

TITLE:

Заимствованные слова в долганском языке : (Обзор проблем)

AUTHOR(S):

Stachowski, Marek

CITATION:

Stachowski, Marek. Заимствованные слова в долганском языке : (Обзор проблем). 京都大学言語学研究 2002, 21: 1-24

ISSUE DATE:

2002-12-25

URL:

<https://doi.org/10.14989/87823>

RIGHT:

Заемствованные слова в долганском языке (Обзор проблем)¹

Marek Stachowski

Тема настоящей работы может показаться несколько преждевременной, так как исследование долганского языка не продвинулось пока настолько, чтобы его результаты можно было суммировать. Тем не менее, представляется полезным обзор, в котором не обязательно должны оказаться вполне новые решения, но который обязательно должен показать сегодняшние проблемы и пути будущей работы над изучением заимствованных слов долганского языка. Потому многое здесь повторяет результаты, известные уже и раньше в научной литературе, но это неизбежно из-за синтетического характера обзора; кроме того, автор вполне отдает себе отчет в том, что не все цитируемые здесь публикации общедоступны.

1. В в е д е н и е

Тот факт, что долганы не потомки какого-то тюркского племени, а в своем большинстве этнические эвенки, которые раньше жили на Вилюе, говорили на своем родном эвенкийском языке и со временем перешли на один из якутских диалектов, не только отличает их от большинства тюркских народов, но и в какой-то степени определяет другой подход к понятию “заимствованного слова” в целом, так как с точки зрения их

---

¹ Эта статья - материалы к докладу на международном симпозиуме в Токийском Университете 7 декабря 2001 г. : International Symposium "Turkic Languages in Peripheral Eurasia: Behind Major Languages" by the project «A Study of Turkic Languages in Peripheral Eurasia» organized by prof. T.Hayashi (the University of Tokyo) and supported by the Ministry of Education, Sports, Culture, Science and Technology.

первоначального родного языка все якутские слова – заимствования (о чем еще пойдет речь).

Сам переход предков долган на якутский диалект может навести на мысль о том, что заимствованные слова долганского языка являются лишь частной проблемой изучения заимствованных слов якутского языка вообще. В действительности это не совсем так.

Пути проникновения иностранных слов в якутский и в долганский языки отнюдь не идентичны. Порой легче назвать исходный источник (или же один из источников) данного слова, чем непосредственный, так как для выявления непосредственного обязательно нужно установить пути заимствования. В принципе мы предпочитаем всегда относить то или иное слово к заимствованиям из языка бывшего непосредственным источником, т. е. напр. долг. *kandydāt* ‘кандидат’ для нас русизм (< рус. *кандидат*), а не германизм (*Kandidat*), англицизм (*candidate*), галлицизм (*candidat*) и т. д., хотя это слово в русский язык несомненно попало из других языков Европы. Но нам известно, что долганы не имели непосредственных контактов с немцами, англичанами, французами, зато имели и имеют контакт с русскими. Если пример [4.6] (см. ниже) мы относим к персидским заимствованиям, хотя это слово в персидский попало из арабского, а в арабский из языков Индии, то потому, что якут. -у отражает перс. -ī, которого нет ни в арабской, ни в дравидийской форме. В других случаях критерии классификации менее ясны, напр. якут. *žasyrka* (см. [4.1]) должно быть отнесено к русизмам, а якут. *mal* (см. [4.2]) - к тюркизмам (что, впрочем, тоже не точное определение происхождения). К предложенному здесь разделению заимствований надо подходить как к временному ориентиру, который будет уточняться по мере дальнейших исследований.

Другая группа проблем связана с датировкой заимствований. Для того, чтобы датировать, хотя бы приблизительно, слои заимствований в долганском языке, нужно прежде всего узнать, с какого времени мы можем говорить об отдельном долганском языке. Вопрос о его самостоятельности очень интересует и якутов, и самих долган. Вопреки распространенному мнению, статус данного идиома определяют не его лингвистические черты, а исторически развитое самосознание говорящих на нем людей. На то, что долганы – отдельный народ и что говорят не на диалекте якутского языка, а на своем отдельном языке, указывает то обстоятельство, что они сами

четко отличают себя от якутов, а те из них, кто живет в Якутии, не считают себя якутами и даже организуют конгрессы долган, живущих в Якутии (Turza/Turza 1996/97: 23 и сл.). Сегодняшняя ситуация, конечно, никак не меняет исторических обстоятельств возникновения долганского языка, который развился из вилуйского диалекта якутского языка. Встает вопрос о том, когда возник долганский язык. Якуты пришли на Лену примерно в XV/XVI столетии. Об этом свидетельствует, с одной стороны, то обстоятельство, что они знают имя Чингисхана (при чем *čurys* в современном якутском языке обозначает 'жестокий') и название *monol* (со значением 'великий'), из чего вытекает, что в XIII в. они жили еще на территориях, подчиненных монголам, т.е. не на Лене, а, с другой стороны, и то обстоятельство, что монгольские языки повлияли также на структуру и синтаксис якутского языка (ср. якут. *aya iŋä ikki* 'мать и отец' как отражение монг. *ečiŋe eke kajar* 'то же'), т.е. контакт этих народов друг с другом продлился некоторое, наверно, относительно долгое время. Русские, прибывшие в XVII в. в Якутию, застали там якутов уже как постоянных жителей. Поэтому можно считать, что якуты пришли на Лену между XIII и XVII в. и, наверно, не сразу после первых контактов с монголами. На основании этих рассуждений Kałużyński (1961: 13, 119 и сл., 122) предложил датировать приход якутов на Лену XV/XVI столетием, и такая датировка сегодня общепринята. Можно тогда согласиться с тезисом, что вилуйские эвенки перешли на диалект долганского языка не ранее середины XVI в. Но тогда еще казалось, что они со временем просто станут обыкновенными якутами.

В документе 1638 года долганы упомянуты как народ Таймыра. Но десятью годами ранее польский ссыльный Antoni Dobryński застал долган на Лене. Правдоподобно, что между 1628 и 1638 годом началась проходившая несколькими волнами миграция предков современных долган с территории Якутии на Таймыр (Stachowski 1996a: 127 и сл.). Неясно, как долго она продлилась. Предварительно можем предположить, что она закончилась примерно во 2-ой половине XVII в.

В целом, обособление долганского диалекта якутского языка можно датировать серединой (или второй половиной?) XVI века, а его превращение в отдельный язык – серединой XVII века, когда долганы, отделившись от якутов, начали как народ свою самобытную жизнь.

2. Э в е н к и й с к и е   з а и м с т в о в а н и я

Так как предки долган были первоначально эвенками, всю якутскую лексику, которую они усвоили, можно признать заимствованной – по крайней мере, с точки зрения истории народа. Но с точки зрения истории языка первоначальной долганской лексикой была именно лексика якутская, которая наслои́лась на язык эвенков. Схематически можно приблизительно разделить древнейшую долганскую лексику на три слоя:

Слой 1 (эвенкийский язык): эвенкийский субстрат до конца XVI в.

Слой 2 (долг. диалект якут. языка): лексика якут. Языка XVI – серед. XVII в.

Слой 3 (долганский язык): новые эвк. Заимствования с середины XVII в.

Все датировки имеют, конечно, ориентировочный характер. Однако уже теперь можно заметить первую проблему в изучении эвенкийских заимствований: как отличить слои 1 и 3 друг от друга? Пока мы не знаем ответа на этот вопрос. Возможно, одним из критериев может оказаться степень ассимиляции согласных в кластерах, ср. напр.

- [2.1] долг. *ǰukča* ~ *čukka* ‘дом, чум’ < эвк. *ǰukčā* ‘остов юрты/чума’ (DW 91; Аникин 2000: 671 и сл.), где *ǰukča* является неадаптированным, а *čukka* адаптированным рефлексом эвенкийского слова. – См. также приемр [6.19].

Однако интерпретация таких фактов неоднозначна. Обычно народ А, заимствующий слова у народа Б, сильно адаптирует слова Б в начале своих контактов с Б, когда язык Б ему еще мало знаком. В позднейших фазах контактов язык Б становится лучше знакомым народу А, и сильная адаптация становится со временем все более излишней. Но в нашем случае предки долган говорили по-эвенкийски как на родном языке и, переходя на якутский язык, могли продолжать произносить эвенкийские слова вполне корректно. Не существовало потребности в их адаптации. Долганско-эвенкийское двуязычие, впрочем, и сегодня не чуждо долганом, особенно на юге Таймыра. При таких обстоятельствах степень ассимиляции согласных в кластерах не очень годится как критерий различения хронологических слоев,

но может быть социолингвистическим средством определения социальных групп (напр., различия между моно- и билингвальными группами долган или между двумя поколениями, что, впрочем, на практике может обозначать одно и то же).

Возможно, что в будущем нам удастся разделить часть эвенкийских заимствований по семантическим критериям. Техника оленеводства долган, например, эвенкийского происхождения. Если на якутский диалект перешли эвенкийские оленеводы, которые и в дальнейшем занимались оленеводством, тогда естественно считать эту часть слов эвенкийским субстратом (слой 1). Возможно, что к этому слою принадлежат также названия одежды.

К субстрату принадлежат, возможно, и следующие слова:

[2.2] долг. *ahylga-lā-* и *ahylga-r-* 'выследить зверя во время охоты' < эвк. *axilga-mī* 'то же'. – Здесь долганы, очевидно, понимали структуру эвенкийского слова, если сумели выделить основу глагола, и у них было достаточно времени, чтобы провести морфологическую ассимиляцию (добавление суффиксов *-lā-* и *-r-*), так что данное слово, по-видимому, принадлежит самой ранней части эвенкийской лексики в долганском языке, т. е. слою 1.

Тот факт, что все эти предположения – только догадки, связан с очень плохим состоянием исследований по этой теме. Даже для якутского языка, которому посвящено гораздо больше работ, чем долганскому, существует практически только одна книга на эту тему: ВЭЯ (см. Литература). К сожалению, у нас все еще нет работы о контактах якутского языка с тунгусскими, сравнимой с работой Калужиньского (Kałużynski 1961) по монгольскому влиянию. Эвенкийским заимствованиям в якутском языке посвящается в ВЭЯ ок. 10% объема всего текста. Это, конечно, очень мало, даже если эвенкийское влияние на якутский действительно было гораздо меньше якутского влияния на эвенкийский. К тому же, этимологические интерпретации в ВЭЯ требуют сегодня пересмотра, нельзя, например, согласиться с тем, что якут. *buorsa* 'сушеная на солнце рыба' < эвк. *purča* 'то же', потому что:

[2.3] эвк. *purča* < письм.монг. *borča* 'то же';

якут. *buorsa* < рус. *пóрса* 'то же' < самод. **por-sǎ* 'то же' (< **por-* 'есть').

См. Janhunen 1977 *passim*; Stachowski 1992: 110 и сл.; Аникин 2000: 120, 454 и сл.

Этимология этого слова, несомненно, очень запутана. Неясна, например, связь письм. монг. *borča* с самод. **porsǎ*. Но ясно, что якут. *buorsa* - русизм, а не эвенкизм в долганском языке.

Резюмировать эту часть можно так: (1) Эвенкийские заимствования в долганском языке практически не изучены. (2) Ориентировочно можно разделить их на более древние [слой 1] и более новые [слой 3]. (3) Возможно, что и в XVII в., во время миграций между Якутией и Таймыром [слой 2], появились новые эвенкийские заимствования. (4) Отсутствуют также попытки найти критерии, позволяющие разделить эвенкийские заимствования по группам, особенно хронологическим. (5) Если найдутся эвенкийские слова, заимствованные однозначно после поселения долган на Таймыре, то они будут “самой долганской” группой эвенкизмов, так как их заимствовали уже в период самостоятельного существования долганского языка.

3. М о н г о л ь с к и е   з а и м с т в о в а н и я

Проблема монгольских заимствований в долганском языке столь же плохо изучена, как и проблема эвенкийских слов. Однако важная разница между ними состоит в том, что долганы на Таймыре уже не имели непосредственного контакта с монголами, так что все монгольские заимствования в долганском языке берут свое начало в эпохе примерно до середины XVI в. и перешли в долганский язык вместе с исконно тюркской лексикой якутского языка. Потому в случае монголизмов “Слой 3”, т. е. “чисто долганские монголизмы”, не существует (хотя неизученность материала не позволяет исключить монгольских слов, попавших в долганский язык через посредство русского). Если данное слово имеет архаический облик, то оно столь же архаично звучит и в якутском языке, ср., например, два следующих слова:

- [3.1] долг. *hitim* ‘веревка, шнур’ = якут. *sitim* ‘то же’ < монг. **sidim* > письм. монг. *siḟim* ‘то же’ (DW 195).

- [3.2] незасвидетельствованное в долганском языке слово: якут. *siǰ̃ŋ* ‘мочащийся в постели; гадкий, мерзкий’ < монг. **šiǰ̃ŋ* ‘то же’ < *sidin, ср. тур. *sidik* ‘моча’.

Из этих двух слов слово [3.2] младше слова [3.1]. Если [3.2] обнаружится когда-либо в будущем в долганском языке, то наверняка с *-ǰ̃*, как в якутском языке, а не с *-d*.

4. А р а б с к и е и п е р с и д с к и е з а и м с т в о в а н и я

Тюркологи долгое время думали, что т. н. “мусульманские”, т. е. арабские и персидские слова, никогда не проникали в якутский (и тем более в почти никому не известный долганский) язык. Однако, как мы сегодня знаем, в якутском языке такие слова есть:

Примеры арабских заимствований в якутском языке:

- [4.1] якут. *ǰasǰrka* ‘любовница’ < рус. *ясырка < рус. *ясырь* < тюрк. *āsir* ‘раб’ < араб. *asīr* ‘пленный’ (см. также Аникин 2000: 731).
[4.2] якут. *mal* ~ *māl* ‘вещь, вещи, имущество’ < тюрк. *mal* ~ *māl* ‘то же’ < араб. *māl* ‘то же’ (Stachowski 1995: 132).
[4.3] якут. *tābiāx* ‘могила, настил в могиле’ < *tabyax < *tabyak < *tabuk (+ *-ak) < араб. *tābūt* ‘гроб’ (Stachowski 1995: 134).

Примеры персидских заимствований в якутском языке:

- [4.4] якут. *köyül* ~ *köyöl* ‘челка, чуб’ < (? кирг. *kökül* ‘то же’ <) перс. *kākul* ‘то же’ (Stachowski 1992: 113).
[4.5] якут. *Myrsa* ~ *Myssa*, имя героя < тюрк. *mirza* ‘князь’ < перс. *mīrzā* ‘то же’ (< перс. *amīrzāde* < араб. *amīr* ‘правитель, властитель’ + перс. *zāde* ‘сын’) (Stachowski 1992: 114).
[4.6] якут. *sandaly* ‘низкий стол (у древних якутов)’ << перс. *ṣandālī* ‘стул; кресло’ < араб. *ṣandal* ‘сандаловое дерево’ (< перс. *čāndāl* ‘то же’ < др.-инд. *candana-* ‘то же’ < дравид. *cāntam* ‘то же’) (Stachowski 1992: 114 и сл.).

В якутском языке таких слов около 30, в долганском – только около 10. Тут возникает, конечно, вопрос, почему этих слов в долганском языке меньше, чем в якутском. Прежде чем ответить на него, рассмотрим

возможные пути проникновения “мусульманских” заимствований в долганский язык.

Самим древним путем, датируемым X-XII вв., мог быть древнекыргызский путь. В IX в. кыргызы, которые этнически также не были изначально тюрками, говорят уже по-тюркски, после победы над уйгурами берут власть в степи в свои руки и удерживают ее до монгольского завоевания в XIII в. (Scharlipp 1992: 89). Найти слова, которые могли проникнуть через древнекыргызское посредство, нелегко; таковым является, возможно, долг. *käpsä̃*, ср.:

- [4.7] долг. якут. *käpsä̃* ‘рассказывать, говорить’ < *käp < ? кирг. *käp* ‘1. слово, разговор; 2. суть дела, серьезный разговор’ < перс. *gäp* ‘1. беседа, болтовня; 2. хвастовство; 3. (диал.) слово’ (Стаховски 1997: 44 и сл.).

В отличие от других слов, данное слово не имеет аналога в монгольских языках. Поэтому мы принимаем для него киргизское посредство. Если бы монгольское соответствие существовало, естественнее было бы предполагать, что такое слово попало к долганам через монгольские языки; так обстоит дело, например, со словом:

- [4.8] долг. якут. *bolot* ‘меч’ < монг. *bolot* ~ *bolod* ~ *bolad* ~ *bolud* ‘сталь’ < перс. *pulad* ‘то же’ (Joki 1952: 96; Stachowski 1992: 111).

Вполне возможно русское посредство, так как долганы имели (или в принципе могли иметь) контакт с русскими еще на Вилюе (русские завоевали Якутию примерно в первой половине XVII в., т. е. в то же время, когда предки долган ее покидали) и, конечно, в течение всего последующего времени на Таймыре. Но в начале XVII в. времени для языковых контактов было немного, так что более правдоподобным кажется то, что большинство русизмов (если не все) заимствовалось долганам уже на Таймыре, т. е. независимо от якутов. Эту версию поддерживает и фонетика заимствований, ср., например, следующие примеры, в которых нет возможности объяснить облик долганских слов якутской фонетикой:

- [4.9] долг. *kanpyat* ‘конфет(а)’ и якут. *kämpiät* ‘то же’.

- [4.10] долг. *piräsidatyal* ‘председатель’ и якут. *präśädääl* ~ *bärässädääl* ‘то же’.

- [4.11] долг. *skap* ‘шкаф’ (Fujishiro 1992: 267; DWS 223) и якут. *yskärp* ‘то же’.

Вероятно, то же самое относится и к тем арабизмам и фарсизмам, которые попали в долганский язык через русское посредство. Но и в русском языке они образуют не один, а, по крайней мере, два слоя: досибирский и сибирский (см. “Введение” в: Аникин 2000). Досибирский слой состоит из слов, попавших (обычно через татарский и другие тюркские языки) в русские диалекты еще до переселения русских крестьян в Сибирь, т. е. он относится к эпохе до начала XVII в. Сюда принадлежат, кроме [4.1], также, например, следующие слова:

[4.12] долг. *hundūk* ‘сундук’ < рус. *сундук* << араб. *ṣundūq* (Стаховски 1997: 44; Аникин 2000: 512).

[4.13] долг. *haraj* ‘сарай’ (DWS 97) < рус. *сарай* << перс. *sarāj* ‘дворец’ (KRD 90; Аникин 2000: 483).

Проблема возможного посредства самодийских (~ уральских?) и/или енисейских языков вообще не изучена, но такой путь вполне возможен, так как в обеих семьях языков можно найти арабские и персидские слова, хотя они и там относительно немногочисленны:

Примеры из самодийских (~ уральских?) языков:

[4.14] камас. *bolat* ‘сталь’ (Joki 1952: 96) << перс., см. [4.8].

[4.15] сельк. *ńań* ~ *ńaj* ‘хлеб; Brot’ (< komi *ńań*?) << перс. *nān* ‘то же’ (> анат.-тур.диал. *ne^hn* ‘то же’) (Pomorska 1995a: 111; Maciuszak 1998: 21). – Ср. ниже [4.18].

[4.16] матор. *toti* ‘кулик [птица]’ < письм.монг. *toti* ‘попугай’ < перс. *tuti* ‘то же’ (Helimski 1997: 366, № 1068).

Примеры из енисейских языков:

[4.17] котг. *koaš* ~ *koäš* ‘красивый’ << раннеперс. *x^waš* ‘то же’ (> совр. перс. *xōš* ‘то же’) (Stachowski 1996b: 98).

[4.18] кет. *na^hn* ~ *nä^hn* = юг. *ńä^hń* ‘хлеб; Brot’ (< komi *ńań*?). – См. выше [4.15].

Особый случай в этой группе представляет следующее слово, путь которого к самодийским и тюркским языкам был, возможно, необыкновенно долгим:

[4.19] камас. *multyk* ~ *multuk* ‘ружье, винтовка’ < тюрк., напр. тел. *multyk*, шор. *multyk* ~ *multuk*, кирг. *myltyk* ‘то же’. – Joki (1952: 233) объясняет его как производное слово < тел. *multa* ~ *mylta*, чаг. *piltä* ‘фитиль’ < перс. *fatile* ~ *fetile* ‘то же’ < араб. *fatīl* ‘то же’ (> осм.-тур. *fitil*, рус. *фитиль* ‘то же’).

Существует, однако, и другая возможность, которая пока, насколько я знаю, еще не обсуждалась в литературе:

[4.20] тюрк. *multuk* ~ *multyk* < *mntuk ~ *munduk < араб. *bunduq-ijja* 'ружье' < араб. *bunduq-ī* 'венецианский' < европ. языки (роман.) *venedik* и под. 'то же'.

Здесь не все ясно, например, почему араб. *-d-* соответствует в тюрк. материале *-t-*? Почему вокализм второго слога в тюрк. словах нестабилен? Тем не менее, стоит учитывать и эту этимологию, так как ружье, винтовка, без сомнений, не тюркское изобретение, и очень правдоподобно, что тюркские народы, познакомившись с ружьем, заимствовали и его иностранное название; кажется менее вероятным, чтобы они сами придумали новое слово для ружья.

Теперь, после рассмотрения примеров арабских и персидских заимствований в долганском языке и других языках Сибири, а также связанных с их изучением проблем, можем перейти к вопросу, поставленному в начале этой части нашей работы: почему число арабизмов и фарсизмов в долганском языке меньше, чем в якутском? В 1997 году я попытался ответить на этот вопрос и, кажется, с того времени нигде не предлагалось других объяснений и не высказывалось никаких сомнений:

“Эта ограниченность, возможно, связана с (по крайней мере) двумя эмиграционными волнами прякутов. [...] Если бы арабские и персидские слова принадлежали первой из этих волн, можно было бы скорее всего ожидать их большой распространенности на всей территории, занятой якутскими завоевателями. Возможно, что [...] именно этой волне и принадлежат те слова, которые попали и в долганский язык, тогда как остальные арабизмы и фарсизмы якутского языка до ухода долган на Таймыр были (как принадлежащие второй волне [...]) географически ограничены и распространились только в новейшее время.”
(Стаховски 1997: 48).

Это одновременно обозначает, что, благодаря долганскому материалу, можно разделить арабские и персидские заимствования на две группы, первоначально отличавшиеся друг от друга или хронологически (первая волна

старше второй), или географически (соответствуя двум разным частям южной прародины якутов).

5. С а м о д и й с к и е   з а и м с т в о в а н и я

В 1993 году во введении к моему долганскому словарю (DW) я писал о своей надежде, что этот словарь поможет ответить на вопрос, насколько самодийские языки повлияли на долганский. К счастью (и в отличие от других групп заимствований), ответ здесь пришел очень быстро. Уже в следующем году вышла в печати рецензия на мой словарь, автор которой пошел даже дальше, чем ожидалось бы от стандартной рецензии: он нашел и обсудил самодийские слова в долганском языке (Хелимский 1994). Тем более странным кажется то, что и в 1997 году в работе Turza/Turza повторяется моя надежда 1993 года, как если бы никаких перемен не произошло. Очевидно, рецензия Е. Хелимского осталась этим авторам недоступной. Потому позволю себе представить здесь коротко весь, впрочем, небольшой материал, обсужденный Е. Хелимским:

- [5.1] долг. *āku* ‘олень, приученный к хлебу; ручной олень’ < нган. *aiku* ‘ручной, теленок оленя’, эн. *aiku* ‘ручной олень’.
- [5.2] долг. *baka* ‘скребок для очистки шкуры от мездры’ < нган. *bakə* ‘то же’.
- [5.3] долг. *läpsä* ‘кружок на тонком конце хорея’ < нган. *läpsj* ‘то же’.
- [5.4] долг. *lojto* (~ *jolto*) ‘доска пола’ < ст.-нган. **lojto* ~ **lojtu* (> совр.нган. *lojt’ü* ~ *lot’ü*) ‘то же’.
- [5.5] долг. *sylāka* ‘корытообразная емкость для рыбы и мяса, днище которой используется также при кройке шкуры’ < нган. *šilā’kə* ‘то же’ < ст.-нган. **sijVkkə* ‘то же’.
- [5.6] долг. *Papigaj* (= рус. Попига́й), название реки < ст.-нган. **pā bigaj* (> совр. нган. *hⁿā bigaj* ‘лесная река’).

Самым интересным результатом этих поисков является то, что, по крайней мере, в случае [5.4] и [5.6] долганские слова нужно выводить скорее из старонганасанских, чем из современных нганасанских форм. Это обстоятельство говорит в пользу очень древних контактов долган с нганасанами. Такую интерпретацию поддерживает и структурное влияние

нганасанского языка на долганский, проявление чего видно в использовании суффикса принадлежности 2 л. ед.ч. (не 3 л.) как определенного артикля:

[5.7] долг. *küölün aryllan balyk tuttalar* ‘when the lake [not *‘your lake’] became free of ice, they caught fish’ (Stachowski 1998: 127).

[5.8] долг. *horogun ... nönjölärin*... ‘some... others... [not *‘some of your people..., the others of your people...’]’ (там же).

[5.9] долг. *ontun āta Sälibār* ‘the name of this [not *‘your’] person is S.’ (Fujishiro 1999: 92).

Но, с другой стороны, этих слов всего шесть – такое небольшое число внушает прежде всего мысль, что эти контакты были не очень интенсивными и, наверно, не долгими. Как сгладить это противоречие результатов?

Мне кажется, что дело связано с долганской диалектологией. Долганский язык делится на три диалекта, сгруппированные в две группы: западную (с южным и северным диалектами) и восточную (с анабарским диалектом). Граница между южным и северным диалектами проходит через город Хатанга. Известная нам до сих пор долганская лексика, представленная в DW, происходит почти целиком из южного диалекта. Только во втором томе словаря, т.е. в DWS, можно найти больше материала из северного диалекта, но этого тома, вышедшего в 1998 году, Е. Хелимский еще не мог, конечно, учесть в своей рецензии в 1994 году. Кажется, нганасанское влияние в северном диалекте вообще глубже и проявляет себя сильнее, чем в южном. Во всяком случае, структурные конструкции типа [5.7-9] характерны исключительно для севера Таймыра.

Но остается еще проблема архаичных форм нганасанских заимствований в долганском языке. По этому поводу Е. Хелимский (1994: 237) пишет следующее:

“Видимо, мы имеем дело [...] со следами нганасанского влияния на северо-восточные якутские говоры в период еще до сложения долганской народности.”

Но тогда возникает вопрос, почему ст.-нган. **lojto ~ *lojtu* не сохранилось в якутских диалектах. Неясно также, по каким причинам старонганасанское название восточно-таймырской реки **pā bigaj* было занесено в северо-восточные говоры якутского языка. Более вероятным мне кажется, что **lojto* - предположительно, а **pā bigaj* - наверняка были заимствованы долганами

на Таймыре. Здесь вполне возможно и чужое посредство, например, эвенкийское, так как эвенки могли уже раньше иметь контакт с нганасанами и перенести древние фонетические формы нганасанских слов в долганский язык. Однако при обсуждении конкретных слов возникают препятствия, в частности, мне не удалось найти следов нган. **lojto* в эвенкийском языке.

В итоге, хотя мы сегодня имеем в своем распоряжении отличный этимологический анализ нганасанских слов в долганском языке (Хелимский 1994), их хронология и пути заимствования все еще недостаточно точно определены.

6. Русские заимствования

Русские слова в долганском языке составляют самый новый, самый большой и – что касается современной жизни долган – самый важный слой заимствований. Русское влияние на долганскую лексику проявляется как в форме заимствованных слов, так и в форме заимствованных структурных конструкций (кальки). Так как мы намереемся в дальнейшем сконцентрироваться главным образом на отдельных словах, здесь хотим дать только один пример кальки:

[6.1] долг. *äräbilläk* ‘надежный’ < *äräbil* ‘надежда’ – по образцу русской пары: *надежда* → *надежный*.

Тема русских заимствований кажется относительно простой, так как русская лексика нам, конечно, намного лучше известна, чем, например, самодийская. Но и здесь есть ряд проблем.

Во-первых, долганы заимствовали большинство русских слов не из литературного языка, а из диалектов. Общая информация типа “из рус.” служит хорошим ориентиром в начальной фазе работы, но недостаточна с точки зрения этимологической точности. Раньше этот аспект исследований частично игнорировался, но сегодня учитывается практически всеми серьезными исследователями (относительно методологии см. Berta 1983: 20; Pomorska 1995b: 102).

Во-вторых, мы и здесь обязательно должны считаться с самодийским или тунгусским посредством, хотя бы потому, что русские имели торговые контакты с северно- и западносибирскими народами уже в XIII и XIV веках

(Панин 1991: 3) и, вполне возможно, что к долганам, тогда еще тунгусоязычным, попали и русские слова. Интересно отметить, что для других тюркских языков в подобном случае нужно учитывать скорее всего возможность монгольского посредства, как, например, в слове:

- [6.2] тув. *savujā* ‘сафьян’, предположительно < монг. < рус. *сафьян*. – Отсутствие *-n* в тувинском указывает на монгольское посредство (Pomorska 1995b: 98). – Ср. долг. *hapjān* непосредственно < рус. *сафьян*.

Особую трудность представляют тюркские слова, попавшие в долганский язык через русский, так как их нужно по фонетическим критериям (не всегда однозначным) отделять от родственных тюркских слов, напр.:

- [6.3] долг. *kapkān* < рус. *капкан* (KRD 94). – Долг. *-ā-* отражает здесь ударное русское *-á-*. Чисто тюркская форма должна была бы дать долг. **kapkan*.

Четвертая трудность состоит в том, что многие слова попадали в долганский язык не в словарных формах (их заимствовали из разговорной речи), а в косвенных падежах. Ср. следующий пример:

- [6.4] долг. *ostoluobaj* ‘столовая’ < рус. *столовой* (как в оборотах: *в столовой, к столовой, из столовой* – Pomorska 1995b: 102). – Здесь, конечно, не место исследовать вопрос, почему русское ауслаутное *-a* именно в этом слове отпало, хотя оно в других словах сохраняется.

В-пятых, русские были не единственными славянами в Сибири. До сих пор на Таймыре живут украинцы, и не исключено, что некоторые слова заимствовались именно в украинском облике. С такой возможностью нужно тем более считаться, что слова заимствовались даже из польского языка, хотя его влияние по общеизвестным причинам никогда не могло быть в Сибири особенно сильным. Из польского языка якуты заимствовали (но не непосредственно, а через русский) по крайней мере одно слово:

- [6.5] якут. *pruoška* (> и ~ *boruoska*) ‘1. нюхательный табак; 2. половые органы мальчика’ < польск. родительного *proszka* (~ *proszku*) < польск. именительного *proszek* ‘порошок’ (Хелимский 1990: 41; относительно якутской семантики см. Аникин 2000: 456 и сл.). – Так как данное слово засвидетельствовано и в сибирских, и в европейских диалектах русского языка, можно предположить, что

русские крестьяне принесли его на своем пути из Европы в Сибирь; такое объяснение нам кажется более правдоподобным, чем мысль о независимом заимствовании его и в Европе, и в Сибири. Поэтому Аникин (*op. cit.*) правильно, по нашему мнению, обозначил это слово как досибирское.

Ко всему этому надо добавить вопросы хронологии. Хотя часто отсутствуют ясные фонетические критерии, иногда можно определить относительную хронологию заимствований:

- [6.6] Фонетический критерий: рус. баг^ульник > долг. (1) *baɣuɫyn'nyk* ~ (2) *baɣuɫan'nyk* 'то же'. – Так как дифтонг -уа- в форме (1) происходит из рус. ударного -у́-, вариант (2) развился из (1).
- [6.7] Семантический критерий: долг. *säbiäskäj* 'советский' должно быть заимствованным после 1917 г., тогда как долг. *paskāl* < рус. пасхал-ия – наверняка до 1917 г.

К раннему слою русизмов можно отнести и те слова, которые в современном русском языке не употребляются (хотя нельзя исключить, что они все еще употребляются в некоторых диалектах):

- [6.8] долг. *dorōbo!* 'здравствуйте!' < рус. здор^ово! 'то же'.
- [6.9] долг. *pyrastȳ (в глаголе: *pyrastȳlas-* 'проститься') < рус. прости! 'до свидания!'.

Однако степень адаптации слов [6.8-9] не больше степени адаптации некоторых других слов, явно заимствованных в новые времена:

- [6.10] долг. *kybärtal* 'квартальный план' < рус. квартал.
- [6.11] долг. *hibit̃r* < рус. свитер.
- [6.12] долг. *piärmä* < рус. ферма.

Сравнение этих двух групп слов показывает, что сильная адаптация – не однозначный сигнал давности заимствования. Для якутского языка Слепцов (1975: 53-60, 69) выделил три фазы адаптации русских слов:

- [6.13] Необходимый минимум, напр., замена некоторых русских согласных якутскими или отражение ударного гласного русского слова долгим гласным в якутском. Сингармонизм гласных можно игнорировать. Примеры: якут. *bandit* < рус. банди́т; долг. *polisyja* < рус. поли́ция (Слепцов 1975: 53).
- [6.14] Частичная адаптация: Учитывается сингармонизм по палатальности, но необязательно по лабиальности. Сочетания согласных остаются

без ассимиляции. Русский *-VsV-* не переходит в *-VhV-*. Примеры: якут. *bäräsädätäl* ~ *präsidääl* < рус. *председатель*; якут. *aptauomuja* < рус. *автономия* (Слепцов 1975: 57).

- [6.15] Полная адаптация: Учитывается сингармонизм по лабиальности. Примеры: якут. *aptauamuja* < рус. *автономия*, якут. *bābyryka* < рус. *фа́брика* (Слепцов 1975: 60).

Представленная здесь классификация опирается на общие правила. В якутских газетах в одном и том же году появлялись разные варианты русских слов с чертами разных степеней адаптации. Подобным образом обстоит дело и в долганском языке, где дедушка и внук могут произносить данное русское слово по-разному. Очевидно, мы имеем здесь дело не столько с разными хронологическими слоями, сколько с социолингвистическими факторами – кто лучше выучил русский язык, тот произносит русские слова с минимальной адаптацией или вообще без нее, чисто на русский лад. Но, конечно, понятно, что эти слои частично связаны с хронологией: современная молодежь наверняка лучше говорит по-русски и поэтому меньше адаптирует русские слова в своем языке, чем, скажем, их прадеды. Для долганского языка тоже можно, как мы думаем, принять три степени фонетической адаптации. Примером для дальнейших рассуждений может послужить следующее слово:

- [6.16] рус. *ло́жка* (винит. *ло́жку*) > долг. *luosku* ~ *lošku* ~ *luoska* ~ *loska*
'то же'.

Возникает вопрос, как определить хронологический порядок этих вариантов. Варианты, которые отражают русские косвенные падежи, наверняка старше тех, которые отражают именительный падеж. Потому *luosku* и *lošku* должны быть старше, чем *luoska* и *loska*. С другой стороны, варианты с *-š-* менее адаптированы, чем варианты с *-s-*. Адаптационную иерархию можно тогда представить так (по KRD 73, где приведен также пример долг. *lokka* ~ *lotka* ~ *luotka* 'лодка'):

- [6.17] степень адаптации I: *luosku*
степень адаптации II: *luoska* ~ *loska*
степень адаптации III: *lošku*

Или, если гипотетически принять, что существуют незасвидетельствованные, более адаптированные варианты с *-š-*, соответствующие менее адаптированным вариантам с *-s-*:

[6.18] степень адаптации I: *luosku*
 ↓
 степень адаптации II: *luoska ~ loska*
 ↓
 степень адаптации III: *lošku ~ *l(u)oška ~ *loška*

Такая модель согласуется с тенденцией развития документированной пары слов: *luosku ~ lošku*, в которой налицо эволюция от более к менее адаптированному варианту.

Как видим, такое развитие прямо противоположно тенденции в якутском языке, который стремится с течением времени все более и более адаптировать русские слова.

Существуют и другие проявления этой тенденции, например, более слабая или даже совсем отсутствующая ассимиляция согласных в кластерах:

[6.19] долг. *čulku-lar* < рус. чулки (ср. якут. *čulku ~ čukku* 'то же'; KRD 86). – См. также пример [2.1].

или же относительно редкое употребление анаптического гласного в кластерах:

[6.20] долг. *prablänhä* < рус. правлѣние. – Ср. якут. *byrabylyanña* 'то же' (KRD 108).

долг. *ruška ~ urška* < рус. рѹчка. – Ср. якут. *urščuka* 'то же' (KRD 113).

В обоих случаях мы имеем дело практически с двумя проявлениями одной и той же тенденции к все лучшему сохранению русских сочетаний согласных. Такая тенденция, без сомнений, не наблюдается в новейшей истории якутского языка.

Конечно, не для всех слов долганский язык выработал более новые, т. е. менее адаптированные, фонетические варианты. Некоторые слова сохранились в своем сильно адаптированном облике, так что они, бывает, очень мало напоминают свой русский этимон. Именно они с большой вероятностью могут считаться ранними заимствованиями. Вот несколько примеров таких слов:

[6.21] долг. *barāhyňnyk* < *barāsyňnyk < рус. прѣздник (KRD 51, 83).

долг. *hāglaj* < *sāklaj < рус. зѣтхлый (KRD 68, 90).

долг. *mylā* < *mlā < рус. мглѣ ~ млѣ (Фасмер; KRD 33, 102).

долг. *pyarsal* < рус.простореч. фѣршал < рус.литер. фѣльдшер (< нем.устар. *Feldscher* 'военный парикмахер и хирург') (KRD 68, 109).

Морфологическая адаптация русских слов в долганском на практике является излишней, так как в долганском языке нет ни различий по роду существительных и прилагательных, ни различий в парадигмах спряжения и склонения, которые бы, например, четко связывали семантику данного слова с тематическим гласным его флексии. Тем не менее, время от времени проявляются три типа адаптации, которую можно связать с морфологическими процессами, суть которых – не столько приспособление к условиям долганской морфологии, сколько устранение тех русских морфем, которые с точки зрения долганского языка являются излишними, так как они передают морфологические категории и семантические отношения, ненужные в долганском словообразовании.

Первый тип такой адаптации мало распространен; он состоит в том, что часть русского слова ошибочно идентифицируется с какой-то долганской морфемой:

[6.22] долг. *komna* (DW 151) = долг. *komnata* (там же) < рус. *ко́мната*, где окончание *-та* идентифицировалось с долганским суффиксом принадлежности 3. л. ед. ч. *-ta*.

Форма *komna* должна, как мы думаем, представлять собой раннюю адаптацию того времени, когда русские слова были еще мало понятными для долган.

Второй тип адаптации состоит в устранении правильно определенной русской морфемы, которая просто отпадает:

[6.23] долг. *hākumat* < рус. *ша́хмат-ы*.
долг. *ustān* < рус. *штан-ы*.

Третий, вероятно, самый новый тип морфологической адаптации характеризуется тем, что русская морфема заменяется ее долганским соответствием:

[6.24] долг. *kanikul-lar* < рус. *кани́кул-ы*.

7.   З а к л ю ч е н и е

Представленный здесь обзор освещает лишь самые важные проблемы изучения заимствований долганского языка. Некоторые другие проблемы мы здесь не обсуждали, поскольку они, по сути дела, вообще не изучены. Сюда

относится, например, проблема бродячих слов, многочисленные примеры которых можно найти в словаре А. Е. Аникина (2000); далее, вопрос о роли, которую сыграли отдельные языки в распространении ряда слов в Сибири и в передаче их диалектам русского языка (и тем самым частично языкам Европы), для изучения чего отправной точкой может с успехом служить статья Ю. Янхунена (Janhunen 1985). Следует назвать и проблему происхождения и распространения эндо- и экзоэтнонимов народов Сибири (см. напр. Helimski/Janhunen 1990).

Не затронута здесь также проблема существования в Сибири языковых союзов (типа балканского), хотя об этом писали и раньше, ср. напр. Kotwicz 1951: 313 и сл., а в последнее время ряд статей посвятил этой теме Я. Пустаи (Pusztay 1988, 1995). Хотя исследование сибирских языков с точки зрения языковых союзов не привлекает чрезмерного внимания, все же невозможно оспаривать тот факт, что некоторые явления – как фонетического, так и лексического плана – распространены во многих языках, принадлежащих к разным семьям. Таким феноменом является, в частности, альтернация спирантов с согласным *t*:

[7.1] долг. *huor-* ~ *hōr-* ‘строгать, вырезать’ = якут. *suor-* < пратюрк. **jōr-* > ойр. *tōr-* ‘то же’.

[7.2] долг. *hābiči* ‘свеча’ = якут. *sūmāči* ~ *tūmāči* < рус. *свѣчи*, мн. ч. < *свечá*.

Альтернация такого типа выступает, конечно, также в других тюркских и нетюркских языках Сибири и сопредельных регионов, ср. напр.:

[7.3] ойр. *künāt* ‘жара, зной’: общетюрк. *künāš* и т. п. ‘солнце’ (Berta 1997 *passim*). – Относительно попытки объяснить этот феномен на примере алтайских языков (см. Stachowski 1999: 238), где рассмотрены и другие примеры.

В лексическом плане тоже видны тесные связи между разными языками; впрочем, порой они бывают довольно запутаны, напр.:

[7.4] Во всех языках Сибири распространено слово *lūša* ~ *поša* и т. п. со значениями ‘1. русский; 2. чудовище, монстр’. – Совмещение этих значений типично именно для языков сибирского ареала. Относительно причин и истории этого явления (см. Janhunen 1997 *passim*, Аникин 2001: 41-46).

[7.5] Пока, насколько я знаю, не дождалось монографического описания и то бродячее слово, которое в долганском языке отразилось как *gaṇsa* 'курительная трубка'. Но достаточно заглянуть в словарь Аникина (2000: 162), чтобы убедиться, что это слово и его пути в Сибири заслуживают большого внимания.

*   *
*
*

Как было показано выше, в исследованиях заимствований долганского языка, которые практически только начинаются, еще много белых пятен. Нашей целью должно быть такое изучение этой проблемы, чтобы стало возможным написание работы, похожей на статью Е. Хелимского (1989), которая разместила бы важные для истории и культуры долган слова – родственные и заимствованные – в хронологическом порядке.

Таблица: Опыт хронологии замствованных слов в долганском языке.

	на Вилюе			кочевание	на Таймыре		
	до XV в.	XV в.	XVI в.	XVII в.	XVIII в.	XIX в.	XX в.
Эвенк.	субстрат XXXXXXXX			XXXXXX	XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX		
Монг.	XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX (якут.)						
Ар./Перс.	XXXXX (кирг.)	XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX (монг. / якут.)			XXXXXXX (рус.)		
Самод.				XXXXXXXXXXXXX			
Рус.				XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX			

Объяснение: Буквой X обозначается время проникания слов из данного языка в долганский. Названия языков в скобках указывают на возможное посредство.

Л и т е р а т у р а

- ВЭЯ = Романова, А. В. / Мыреева, А. Н. / Барашков, П. П.: *Взаимовлияние эвенкийского и якутского языков*, Ленинград 1975.
- КомпУр = Хелимский, Е. А.: *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*, Москва 2000.
- Фасмер = Фасмер, М. [= Vasmer, M.]: *Этимологический словарь русского языка*, перевод и дополнения О. Н. Трубачева, т. 2, Москва 1986².
- DW = Stachowski, M.: *Dolganischer Wortschatz*, Kraków 1993.
- DWB = Stachowski, M.: *Dolganische Wortbildung*, Kraków 1997.
- DWS = Stachowski, M.: *Dolganischer Wortschatz. Supplementband*, Kraków 1998.
- KRD = Stachowski, M.: *Konsonantenadaptation russischer Lehnwörter im Dolganischen*, Kraków 1999.
- Аникин, А. Е.
 2000 *Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков*, 2-е издание, Новосибирск.
- 2001 Из воспоминаний полевого ученого секретаря. – *Фольклор и литература Сибири: памяти А. Б. Соктоева*, Новосибирск: 34-63.
- Панин, Л. Г.
 1991 *Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в.*, Новосибирск.
- Слепцов, П. А.
 1975 *Русские лексические заимствования в якутском языке (послереволюционный период)*, Москва.
- Стаховски, М.
 1997 Заметка по поводу арабских и персидских заимствований в долганском языке и путей их проникновения на север. – *Türk Dilleri Araştırmaları* 7: 41-54.
- Хелимский, Е. А.

- 1989 Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев. – *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока (ИВ АН СССР)*, ч. 2: 2-20 [переиздано в *КомпУр* 13-25].
- 1990 Этимологические заметки. – Улуханов, И. С. (ред.): *Исследования по исторической грамматике и лексикологии*, Москва: 30-42.
- 1994 Нганасанские заимствования в долганском языке: К выходу в свет долганского словаря М. Стаховского. – *Таймырский этнолингвистический сборник* 1: 234-237 [переиздано в *КомпУр* 320-322].

Berta, Á.

- 1983 *Die russischen Lehnwörter in der Mundart der getauften Tataren*, Szeged.
- 1997 *künäš* und *quíaš*. – *Studia Etymologica Cracoviensia* 2: 23-31.

Fujishiro, S.

- 1992 Dolgan materials from Taymyr [на япон. языке]. – *Gengogaku Kenkyu. Linguistic Research* 11: 261-284.
- 1999 Two linguistic materials from Dolgan in Tajmyr. – Fujishiro, S. / Shogaito, M. (eds): *Issues in Turkic languages – Description and language contact*, Kyoto: 75-103.

Helimski, E.

- 1997 *Die matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte*, Szeged.

Helimski, E. / Janhunen, J.

- 1990 Once more on the ethnonym “Tungus”. – *Specimina Sibirica* 3: 67-72.

Janhunen, J.

- 1977 “Porsa” – a Siberian cultural term. – *Studia Orientalia* 47: 103-107.
- 1985 The Tungus peoples and the conquest of Siberia. – Jarring, G. / Rosén, S. (eds): *Altaistic studies* [PIAC 25], Stockholm: 73-77.
- 1997 The Russian monsters. On the etymology of an ethnonymic complex. – *Studia Etymologica Cracoviensia* 2: 159-165.

Joki, A. J.

- 1952 *Die Lehnwörter des Sajansamojedischen*, Helsinki.

Kałużyński, S.

- 1961 *Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache*, Warszawa.

Kotwicz, W.

- 1951 *Studia nad językami altajskimi*. – *Rocznik Orientalistyczny* 16: 1-317.

Maciuszak, K.

- 1998 New Persian *nān* 'bread' and its reflexes in Siberian languages. – *Studia Etymologica Cracoviensia* 3: 17-23.

Pomorska, M.

- 1995a New Persian loanwords in Anatolian-Turkish dialects (1). – *Studia Turcologica Cracoviensia* 1: 91-123.
1995b On the phonetic adaptation of some Russian loanwords in Tuvinian. – *Zeszyty Naukowe UJ. Prace Językoznawcze* (Kraków) 117: 93-102.

Pusztay, J.

- 1988 Sibirien – Schmelztiegel von Sprachen? – *Specimina Sibirica* 1: 153-158.
1995 *Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung* (Beispiel: das Protouralische), Wiesbaden.

Scharlipp, W.-E.

- 1992 *Die frühen Türken in Zentralasien. Eine Einführung in ihre Geschichte und Kultur*, Darmstadt.

Stachowski, M.

- 1992 Persische Etymologien in der Geschichte der jakutischen Wortforschung. – *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft* 142/1: 105-119.
1995 Arabische Etymologien in der Geschichte der jakutischen Wortforschung. – *Zeszyty Naukowe UJ. Prace Językoznawcze* (Kraków) 117: 125-138.
1996a Über das Alter der dolganischen Sprache. – *Türk Dilleri Araştırmaları* 6: 123-130.
1996b Über einige altaische Lehnwörter in den Jenissej-Sprachen. – *Studia Etymologica Cracoviensia* 1: 91-115.
1997 Altaistische Anmerkungen zum "Vergleichenden Wörterbuch der Jenissej-Sprachen". – *Studia Etymologica Cracoviensia* 2: 227-239.
1998 An example of Nganasan-Dolgan linguistic contact. – *Turkic Languages* 2/1: 126-129.
1999 Korean-Turkic studies. – Brzezina, M. / Kurek, H. (eds): *Collectanea linguistica in honorem Casimiri Polański*, Kraków: 231-241.

Turza, J. / Turza, O.

- 1996/97 Die östlichen Dolganen im Nordwesten von Jakutien. – *Philologia Fennougrica* 2-3: 19-37.

ドルガン語の借用語彙 — 諸問題概説 —

マレク・スタホフスキ

要旨

極北のチュルク系小言語ドルガン語は 16 世紀から 17 世紀にドルガン人が民族集団として独立した時期に成立したと考えられ、そこにはツングース系のエベンキ人やチュルク系のヤクート人が関与している。しかし、成立の過程について詳しいことは未解明の点が多い。本稿ではドルガン語に見られる借用語彙についてその借用起源と考えられる言語毎に諸問題を整理し、提示した。

まず、ドルガン語の成立について概観し(第 1 章)、その借用語彙について、エベンキ語からの借用語彙(第 2 章)、モンゴル語からの借用語彙(第 3 章)、アラビア語およびペルシア語からの借用語彙(第 4 章)、サモエード諸語からの借用語彙(第 5 章)、ロシア語からの借用語彙(第 6 章)を各々、取り上げ、考察を加えた。またこれら言語からの借用時期を一覧出来る形にして提示した。さらにシベリアにおける言語連合の可能性など、これまでも指摘されてはいるが未だ具体的な議論がなされていない問題についても参考にすべき文献とともに言及した(第 7 章)。いずれの章においても具体的な例を掲げてドルガン語に借用された語彙についてその借用形態から借用時期、借用経路等について問題点を整理し、未解明の点について今後のドルガン語借用語彙研究への展望を示した。